

Мышление и язык в Логике Ильенкова*

А.Д. Майданский

В основе понимания взаимоотношений мышления и языка у Э.В. Ильенкова лежит постулат о примате предметно-практической деятельности, труда при формировании человеческой личности. Мысль и Слово возникают как формы Дела – в процессе «делового общения», или в совместно-разделенной деятельности с предметами материальной культуры. Тот же принцип был положен А.И. Мещеряковым в основу Загорского эксперимента по воспитанию слепоглухих детей. Марксистской «логике Дела» противопоставит «логику Слова» в различных ее версиях – евангельской, гегелевской, неопозитивистской и пр. В статье И. Ганзела предпринимается попытка критики трудовой теории генезиса мышления и языка с позиций «логической семантики» Р. Карнапа. Со своей стороны, Ильенков критиковал «позитивизм» (и философию эмпиризма в целом) за смешение логической формы мышления с психологической формой «внутренней речи». В результате наука логики превращается в систему правил оперирования словами, знаками, символами, теряя из виду свой родной предмет – законы и категории мышления. Загорский эксперимент наглядно, словно в замедленном кино, показывает «деловой» генезис человеческой личности. Ильенков расценивал его как практическое доказательство правоты «логики Дела» против «логики Слова».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Э.В. Ильенков, предмет логики, мышление, язык, слово, труд, идея, Загорский эксперимент, деловое общение.

МАЙДАНСКИЙ Андрей Дмитриевич – Белгородский государственный национальный исследовательский университет; Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Доктор философских наук, профессор кафедры философии БелГУ; внештатный научный сотрудник Института философии РАН.

amaid@gambler.ru

Статья поступила в редакцию 4 сентября 2018 г.

Цитирование: *Майданский А.Д.* Мышление и язык в Логике Ильенкова // Вопросы философии. 2019. № 2. С. 128–136.

Взаимоотношения языка и мышления – сквозная тема в творчестве Э.В. Ильенкова. Впервые он обратился к ней в марафонской дискуссии о предмете логики, состоявшейся в стенах МГУ в феврале – марте 1954 г. [Ильенков 2017], и той же теме посвящена последняя прижизненная публикация Ильенкова в журнале «Вопросы философии» [Ильенков 1977].

За все эти годы символ веры Ильенкова не претерпел изменений: «Дело – Мысль – Слово». Порядок ипостасей в этой логической Троице имеет определяющее значение. Ильенков твердо держался фаустовской формулы «Im Anfang war die That» – «В начале было Дело». Такова же и первая аксиома «практического материализма» Маркса. Мышление есть идеальная форма предметной деятельности, труда, «работы руки», а язык – это форма осуществления мышления в процессе человеческого общения и форма выражения мысли, идеи для других людей.

«Человеческое мышление *рождается* (а не просыпается) в горниле предметно-практической жизнедеятельности общественного человека, и в этом процессе возникает, как его “посредник”, – Слово, Язык» [Ильенков 1974⁶, 80].

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 17-03-00160а

Эти строки написаны Ильенковым в споре с Гегелем. Для последнего, как некогда и для евангелиста Иоанна, «в начале было Слово». *Логика Слова против логики Дела* — извечная коллизия в истории науки о мышлении. Имя этой науки, «Логика», Ильенков любил писать с заглавной буквы, как бы подчеркивая ее отличие от «логики» с маленькой буквы — формальной, символической, математической.

Для Гегеля слово было родной стихией мысли, той формой, в которой «просыпается» к самосознанию Дух, чтобы затем осуществить, «опредметить» себя практически. Логическая Троица получает у Гегеля вид: «Мысль — Слово — Дело». Впоследствии же, у новейших идеалистов, мысль растворяется в слове, превращаясь в функцию языковых структур. От этого *вербального* корня произрастают и неопозитивизм, и экзистенциальная герменевтика, и структурализм.

«Поэтому-то дистанция между последователями Карнапа — Витгенштейна и последователями Мартина Хайдеггера не так уж велика, как может показаться. И те и другие разрабатывают технику работы со Словом на потребу “человека говорящего” (но уже, увы, не “мыслящего”). Слово (знак, символ, язык) превратилось тут в непрозрачную стену, загородившую от человека объективную реальность природы и истории, вместо того чтобы быть совершенным оптическим инструментом, позволяющим выявлять в природе и в истории такие срезы и аспекты, которые без слова (без языка) рассмотреть нельзя» [Ильенков 1987, 162].

Сказанное, очевидно, относится и к Игорю Ганзелу, стоящему на позициях аналитической философии. Многие из его критических замечаний Ильенкову доводилось слышать от А.А. Зиновьева, И.С. Нарского и Д.П. Горского со товарищи. Так, Ильенкова тысячу раз упрекали в «негативном подходе к дисциплинам, которые исследуют структуру языка, прежде всего, к математической логике, логической семантике и философии языка» (И. Ганзел). Доля правды тут есть. Был у Ильенкова такой, чрезвычайно негативный, подход — только не к математической логике и логической семантике самим по себе, а к произрастающей на их почве «философии языка», которая превращает язык в первоисток мышления — в демиурга логических форм.

Когда логики-формалисты занимаются своим прямым делом — «исчислением высказываний», разработкой правил символизации языковых форм, алгоритмов преобразования одних знаковых систем в другие знаковые системы и т.п., — к ним нет и не может быть ни малейших претензий. Люди двигают науку логики вперед.

«Поэтому я думаю, — говорит Ильенков, — что тот же А.А. Зиновьев занимается нужным и важным для людей науки делом, исследуя эти *внешние* формы движения мышления как субъективного процесса, или же мышление со стороны форм его выражения в языке. “Язык” тут — в широком смысле слова, в том смысле, в каком его и понимают формальные логики». Это — слова из готовящегося к публикации доклада, с которым Ильенков выступал на одной из дискуссий о предмете логики¹. Как видим, он отдает должное и формальной логике, и работам своего «друга-врага» (так отозвался об Ильенкове в своих воспоминаниях Зиновьев). То же самое уже на склоне дней Ильенков писал и о Нарском² и вновь повторил, что «в своих пределах» формально-математическая логика права: научные термины должны быть строго однозначными (закон тождества), а запрет противоречия имеет «абсолютную силу» для языковых выражений мысли.

Термин «язык» Ильенков употребляет в формально-логическом смысле и соглашается, что языковые *формы проявления* мышления «надо изучать не менее тщательно, чем *внутренние законы*, управляющие движением этих форм, то есть не менее тщательно, чем диалектические законы мышления». Посему, продолжает он, «я совершенно искренне думаю, что такое исследование (внешних, языковых форм выражения мыслей. — А.М.) имеет свой реальный предмет и помогает многое понять именно в процессе мышления, то есть в предмете подлинной Логики».

За привычными разговорами, будто Ильенков относился к формально-математической логике «негативно» — не ценил ее современных достижений и т.п., кроется простое незнание или невнимание к тому «позитивному», о чем философ не раз говорил и черным по белому писал. Для анализа языка в самом широком смысле слова и символических форм выражения мысли эта наука нужна и полезна так же, как Логика с большой буквы для исследования законов и категорий мышления.

«Негативный подход» начинается у Ильенкова там, где математические логики и логические семантики берутся судить о вещах, имеющих *неязыковую* природу. О «трансцендентной» языку реальности эта логика знает не больше, чем арифметика — о числе логиков на планете. Да и сам язык, живая жизнь Слова, отнюдь не исчерпывается операциями со знаками и значениями по правилам символической логики (иначе филологи остались бы без работы). Насмеялся Ильенков над претензиями формальных логиков на роль законодателей *мышления* по той простой причине, что видел в мышлении нечто неизмеримо большее, нежели «исчисление высказываний».

«Всякая попытка распространить правила обращения со знаками-символами в составе формального вывода на какие-либо иные случаи работы мышления, т.е. придать им значение “законов мышления вообще”, *логических* законов, — это предприятие ничуть не более умное, чем старания “применить” статьи уголовного кодекса к поведению элементарных частиц в электромагнитных полях синхрофазотрона или к взаимоотношениям внутри стада гамадрилов» [Ильенков 1979^a, 136].

Но ведь правила математической логики устанавливают различие истинного и ложного, возражает Ганзел (предполагая, будто сей тривиальный факт от внимания Ильенкова ускользнул). Разумеется, структура языка диктует определенные и притом весьма жесткие условия истинности выражения мыслей. Главнейшими из этих условий являются запрет противоречия и требование однозначности терминов. Ильенков, как уже отмечалось, признаёт «абсолютную силу» этих двух принципов, но лишь постольку, поскольку речь идет о *языковом выражении* мыслей, а не о процессе познания мира и приобретении новых мыслей (идей).

Что касается *содержательного* («вне-знакового», по терминологии Ганзела) мышления, то попытки судить о нем с «высоты» *формальных* критериев истинности могут кончиться лишь констатацией «нелогичности» каждого нового поворота мысли. Новые идеи и научные теории не тождественны прежним, не вытекают из них по правилам формальной логики, но сплошь и рядом им противоречат. «Реальное развивающееся мышление (наука в ее историческом развитии) выглядит в итоге как сплошное недоумение, как непрекращающееся нарушение логических норм, как от начала до конца алогичный процесс» [Ильенков 1979^a, 138].

Ганзел особо упирает на то, что Ильенков был незнаком с новейшими разработками в области современной символической логики³. Карнапа недочитал. Учебник *Abriss der Logistik* не проштудировал. Жаль, Ганзел не поделился с читателем догадкой, какое конкретно открытие в этом учебнике (или в других трактатах) могло бы заставить Ильенкова пересмотреть свое суждение о предмете символической логики и границах ее компетенции...

Станным выглядит упрек в том, что Ильенков «...отказался работать в области, которую он назвал “философией языка”». Родным и единственным предметом философии Ильенков считал *мышление*. Язык — предмет *другой* науки, языкознания. Ильенкову и в голову не приходило подменять конкретно-научное исследование языка философствованием. По поводу книги Гадамера «Истина и метод» Ильенков замечает: «Так и остается непонятым, понимание *чего* в ней развернуто. Языка? Пусть об этом судят филологи» [Ильенков 1987, 160].

Столь же «негативным» было отношение Ильенкова и к интервенциям филологов в область философии. Всю свою жизнь Ильенков призывал *мыслить конкретно*, protesting против «философических» авантюры физиологов, генетиков и кибернетиков.

Ученый должен ясно видеть предметные границы своей науки и уважать границы сопредельных наук. Худо, когда решение проблем психологии «открывают» в нейронных связях и рефлексах головного мозга, когда формулы культурных способностей ищут в молекуле ДНК или же моделируют «искусственный интеллект» без грамотного понятия о природе и структуре интеллекта «естественного».

Логика исследует отношение *мышления* к языку. Как видим, Ильенков немало на эту тему писал. Это, если угодно, и есть его «философия языка». Она не имеет ничего общего с философией языка неопозитивистов, герменевтиков и самого Ганзела — отсюда, видимо, и трудности с ее пониманием. Ключевая роль принадлежит языку и знакам вообще в процессе «вращения» (термин Л.С. Выготского) логических форм мышления в индивидуальную психику. Здесь совершается переход из сферы науки логики, из этого «царства чистой мысли»⁴, во владения научной психологии.

В сознании индивида мыслительные процессы протекают в форме «внутренней речи». Философский эмпиризм (в том числе и «современная логика» неопозитивистской или неокантианской закваски) принимает эту *психологическую* форму за форму *логическую*, вследствие чего логика превращается в систему правил оперирования словами, знаками, символами. Для Логики, по словам Ильенкова, такого рода «психологизм» означает могилу, ибо утрачивается ее настоящий предмет. Вместо исследования объективных законов и категорий мышления логика начинает заниматься теми — во многом условными, «конвенциональными», и зачастую неадекватными — формами, в которых эти законы и категории осуществляются и «работают» в головах субъектов.

В свое время Выготский блистательно — теоретически и экспериментально — показал происхождение внутренней речи из внешних, «интерпсихических» форм человеческого общения. Ильенков с пиететом относился к Выготскому и сам работал в области культурно-исторической психологии в содружестве с его учениками. Был у них с Выготским и общий герой в философии — Спиноза. Правда, в понимании спинозовской психологии они разошлись очень далеко. См. [Майданский 2018].

Марксистскую, *культурно-историческую* концепцию идеального нередко пытаются толковать с позиций *натуралистического* учения о мышлении, которое Ильенков связывал с именем Спинозы. Так поступает и Ганзел. Написанное от имени Спинозы о «мыслящем теле» он принимает за собственные взгляды Ильенкова — за его *марксистское* учение о мышлении, идеальном. В очерке втором «Диалектической логики» мышление определяется как «*способность активно строить свое собственное действие по форме любого другого тела*, активно согласовывать форму своего движения в пространстве с формой и расположением всех других тел» [Ильенков 1974³, 34]. Осознавая свои движения по контурам внешних тел, «мыслящее тело» получает адекватные идеи об окружающем мире...

Под видом «мышления» здесь описано спинозовское «воображение» (*imaginatio*) — деятельность живого тела, генерирующая *чувственные образы* внешних тел. Никаких *идей*, или мыслей (*cogitationes*), при этом не возникает⁵. Модус протяжения, тело, образует модусы мышления, идеи? Для Спинозы это абсурд. Но, быть может, таково *собственное* представление Ильенкова о природе мышления, об идеях и идеальном? Тогда почему ни в одной другой его работе по Логике, включая «Диалектику идеального», нет ни слова, ни звука о «мыслящем теле»?

Примеры идеальных форм у Ильенкова: математические истины, логические категории, нравственные императивы, формы стоимости, законы государства, грамматический строй языка — «...*всеобщие нормы той культуры*, внутри которой просыпается к сознательной жизни отдельный индивид» [Ильенков 2009, 11]. При чем же тут контурные «идеи», образуемые движением «мыслящего тела»? А где в очерке о Спинозе упомянута хоть одна норма культуры? Для Ильенкова идеальное есть *общественное отношение* человека к миру и к самому себе. Идея — это форма «организации государства», т.е. общественной жизни людей, а не форма движения тела.

В конце очерка второго Ильенков деликатно поправил своего псевдо-Спинозу: «Труд — процесс изменения природы действием общественного человека — и есть

“субъект”, коему принадлежит “мышление” в качестве “предиката” [Ильенков 1974^а, 54]. Субъект мышления не тело, а Дело! Мышление является *атрибутом труда*, предметно-практической деятельности «общественного человека» и вместе с тем *особым видом труда*. Этот умственный труд столь же отличен от натуральных психических функций, от движений глаза и иных органов тела по контурам внешних тел, как оперная ария или псалом от пения птиц.

«Мыслит не особая “душа”, а самое *тело человека*» [Ильенков 1974^а, 22], — это натуралистическое положение разделяют с псевдо-Спинозой *критики* культурно-исторической теории мышления, выступающие от имени «современного естествознания». Охотно подпишутся под ним нынешние «философы сознания», такие как Дэниэл Деннет или Джон Сёрл. Это у них *тело* думает и мечтает, любит и любитя, печалится и сомневается.

Ильенков был страшно далек от такого рода соматической философии. В его глазах человек не «мыслящее тело», но «ансамбль общественных отношений»⁶, поселившийся в теле и душе особи рода Номо и «превративший это тело в свое послушное, легко управляемое орудие» [Ильенков 1979^б, 193]. Рассматриваемое в абстракции от «вращенных» в него обществом функций, человеческое тело не только не мыслит, но и, строго говоря, не является человеческим. Это *человекообразное* тело примата. Дабы сделаться человеческим, предстоит немало *потрудиться* и самому этому телу, и его воспитателям.

Ильенков концентрирует внимание на том, как работает марксистская формула «Дело — Мысль — Слово» в педагогической психологии. Факт неспособности новорожденного ребенка к поисково-ориентировочной деятельности для Ильенкова означает полное отсутствие психической жизни — «ноль психики»⁷. Насекомые и животные рождаются на свет божий способными к самодвижению в пространстве и к поиску полезных веществ. Человек — нет. Как же формируется у него эта первичная психическая способность? Здесь на помощь приходит Загорский эксперимент. Слепых детей *учат* находить пищу, ориентируясь по запаху и осязанию. В процессе такой поисковой деятельности и возникают первые образы внешнего мира, психика, а с ними и «трансцендентальная форма» пространства.

В отношении к предмету деятельности чувственный образ выступает как геометрический «контур» этого предмета; в отношении к субъекту — как траектория движения органов его тела, или «сенсомоторная схема» действия (Ж. Пиаже). «Сенсомоторная схема — это пространственно-геометрическая форма вещи, развернутая движением во времени, ничего другого в ее составе нет. Это схема процесса, воспроизводящего форму вещи, то есть пространственно фиксированную форму, геометрию внешнего тела» [Ильенков 1977, 94]. Таков принцип работы чувственности вообще, у всех живых существ.

Ильенковский «Спиноза» именует эту сенсомоторную схему «адекватной идеей» вещи. Ну а Спиноза реальный считал *неадекватными все* идеи воображения, любые идеи состояний человеческого тела вообще⁸. Вслед за Жаном Пиаже Ильенков утверждает, что сенсомоторные схемы и образуют те самые «глубинные структуры» языка, которые Ноам Хомский посчитал врожденными всякому человеческому существу.

«“Глубинные структуры”, выявленные Хомским, действительно складываются в онтогенезе, в процессе развития ребенка раньше, чем он становится способным говорить и понимать речь. И не нужно быть марксистом, чтобы увидеть их очевидную, можно сказать, осязаемую, реальность в образе *сенсомоторных схем*, то есть схем непосредственной деятельности становящегося человека *с вещами и в вещах* в виде сугубо телесного феномена — взаимодействия одного тела с другими телами, вне его находящимися. Эти сенсомоторные схемы, как их именует Пиаже, или “глубинные структуры”, как их предпочитают называть лингвисты, и есть то самое, что философия издавна титулует логическими формами, или формами “мышления как такового”» [Ильенков 1977, 94].

Это смелое утверждение не мешало бы подкрепить конкретикой, показав сенсомоторные эквиваленты, скажем, гегелевских категорий бытия и ничто или спинозовской «субстанции». Пиаже так далеко не заходил. Он доказывал лишь то, что некоторые логические операции формируются на основе сенсомоторных схем⁹. Позднее, ссылаясь на опыты своей сотрудницы Эрмины Синклер, Пиаже высказал убеждение в том, что первичные «синтаксические структуры» Хомского суть не что иное, как сенсомоторные схемы¹⁰.

В «генетической психологии» Пиаже Ильенкову импонирует понимание мышления как интериоризованного предметного действия. В процессе интериоризации действие лишается моторной компоненты, становится обратимым и начинает «выполняться на символах» (вместо внешних тел). В итоге схемы сенсомоторные превращаются в логические, точнее, в «системы логических операций» [Пиаже 1969, 579–585].

Мысль возникает как форма Дела в процессе предметно-практической деятельности, а Слово является формой выражения Мысли в процессе общения с другими людьми. Не так уж сложно. Но необходимо учесть еще два принципиально важных момента. Человеческая жизнедеятельность всегда, с самого начала и до конца является деятельностью (1) совместно-разделенной с другими людьми и (2) опосредованной предметами культуры.

На этом основании Выготский, в отличие от Ильенкова, полагал, что новорожденный младенец *обладает психикой*, несмотря на то, он «еще целиком лишен основной особенности животного — именно способности к самостоятельному передвижению в пространстве» [Выготский 1984, 271]. И уже эта — поначалу чисто аффективная — психика *социальна*, как и вообще вся наша жизнедеятельность с момента рождения.

«Решительно все в поведении младенца вплетено и воткано в социальное. <...> В этом смысле младенца можно назвать максимально социальным существом. Всякое, даже наипростейшее, отношение ребенка к внешнему миру оказывается всегда отношением, преломленным через отношение к другому человеку. Вся жизнь младенца организована таким образом, что во всякой ситуации зримо или незримо присутствует другой человек» [Выготский 1984, 281].

Первое время ребенок участвует в предметно-практической деятельности пассивно, тем не менее окружающие уже относятся к нему *как к субъекту*. Да он и есть, в известной мере, субъект общественных отношений, ибо его аффекты и органические реакции вызывают ответную *личностную* реакцию взрослых людей — детерминируют их социальное поведение. В дальнейшем, обнаружив эту взаимосвязь, ребенок научается управлять (в основном, при помощи плача и других аффективно окрашенных звуков) поведением матери и других людей, движениями *их* тел, гораздо раньше, нежели органами *своего* тела.

Со всех сторон ребенка окружают предметы культуры, а значит, и *идеальное* — идеи, воплощенные в телесно-геометрических формах. В ходе совместной деятельности (часто совершающейся как игра) эти идеи интериоризируются, усваиваются в качестве схем собственной деятельности с этими и иными подобными предметами.

«Уже в сфере сенсомоторного мышления человеческое развитие принципиально отличается от развития “мышления” животного. Дело в том, что сенсомоторные схемы человеческой деятельности завязываются как схемы деятельности *с вещами, созданными человеком для человека*, и воспроизводят логику “опредмеченного” в них разума, общественно-человеческого мышления» [Ильенков 1977, 95].

Нелегко понять, почему Ганзел решил, будто Ильенков отдает приоритет «материально-деловой» функции над «коммуникативной». Очередная странная аберрация в его читательской оптике. Ильенков тысячу раз писал о том, что любая специфически человеческая деятельность или способность имеет общественную природу. Может, вместо «общественную» ему стоило сказать «социально-коммуникативную», с тем чтобы эта мысль стала понятной и для аналитического философа?

В своих статьях о Загорском эксперименте Ильенков настаивал, что формирование человеческой психики, личности, начинается не иначе как с *делового общения* («коммуникации», в переводе на предпочитаемый Ганзелом язык). «Пусть это дело вначале состоит всего-навсего в том, чтобы есть суп с помощью ложки, мыть руки под краном или надевать штаны. Опыт Загорской школы доказывает неоспоримо, что на почве развитой потребности в деловом общении с другими людьми “язык” прививается естественно, успешно, быстро. А вот в обратном порядке нельзя сформировать ни того, ни другого — ни человеческого поведения, ни способности пользоваться языком как могучим средством мышления» [Ильенков 1975, 83].

Деловое общение есть *форма труда*. Оно-то и делает из примата человека. Воспитатель *разделяет* свой труд с ребенком, мало-помалу сокращая собственную долю труда до нуля в той мере, в какой возрастает встречная активность ребенка, его культурная «самодетельность». Слепоглухой ребенок без «коммуникации» с другими людьми никогда не обрел бы и животную психику, не говоря уже о человеческой личности. Формирование личности у слепоглухих детей — плод многолетнего упорнейшего *труда* их воспитателей, с одной стороны, и самих этих детей, с другой. Плод их «совместно-разделенной деятельности» и «делового общения».

Приписав Ильенкову нелепую мысль об «онтогенетическом приоритете труда перед коммуникацией», Ганзел затем с легкостью ее опровергает при помощи ссылок на работы А.И. Мещерякова и С.И. Сироткина. В свою очередь, Мещерякову ставится в вину то, что он «...исключает из описания все те этапы, на которых ребенок приобретает язык». И тут же, в конце абзаца, Ганзел пересказывает слова Мещерякова о том, как формируется язык жестов... Не обнаруженный Ганзелом «приоритет» труда в отношении к идеальному состоит в том, что *идеальное возникает в процессе труда*, превращаясь затем в необходимый момент и всеобщую форму трудовой деятельности человека. Так это понимал Маркс, а вслед за ним и Ильенков. А вот Гегель, наоборот, изображает труд как форму проявления идеального, как один из моментов саморазвития духа.

Расставляя «онтогенетические приоритеты», во избежание всякого рода «трудностей перевода», имеет смысл привести собственные слова Ильенкова. «Прежде чем приступить к обучению ребенка языку (даже в самой элементарной его форме — жестовой), приходится сперва вооружить его умением вести себя по-человечески в сфере человечески-организованного быта. На этой почве речь (язык) прививается уже без труда. В обратном же порядке невозможно сформировать ни того, ни другого. ...Логика реальной специфически-человеческой (целесообразной) деятельности всегда усваивается раньше, чем лингвистические схемы речи, чем “логика языка”, и всегда служит основой и прообразом этой последней. Поэтому логику мышления можно понять до, вне и независимо от исследования логики языка, но в обратном порядке нельзя понять ни язык, ни мышление» [Ильенков 1977, 96].

Практическое освоение предметов материальной культуры всегда предшествует овладению языком¹¹. *Деловая* форма общения предшествует *словесной*. Загорский эксперимент полностью подтвердил эту простую истину.

Примечания

¹ В рамках гранта РФНФ (руководитель — акад. В.А. Лекторский) началась подготовка к печати десятитомного Собрания сочинений Ильенкова. В него войдет и этот доклад, и другие ранее не публиковавшиеся архивные тексты, в том числе обе диссертации, тезисы выступлений, многочисленные отзывы, рецензии, письма. Рукописи, сокращенные — а порой и капитально испорченные — редакторами из цензурных или иных соображений, будут напечатаны в аутентичном виде.

² Как специалист по формально-математической логике, он вполне прав, исследуя “язык науки” с точки зрения корректности употребляемых в науке терминов» [Ильенков 1991, 317].

³ Дэвид Бакхёрст, первый западный исследователь творчества Ильенкова, также сетовал на его «достойную сожаления неосведомленность о влиянии (часто в высшей степени плодотворном) формальной логики на философию XX века... Прискорбно, что труды сведущего и открытого философа содержат в себе эту филистерскую нить (philistine thread)» [Bakhurst 1991, 172]. Виною тому незнание английского языка, поясняет в примечании Бакхёрст.

⁴ «Das Reich des reinen Denkens (Gedankens)», — определение Логики у Гегеля.

⁵ Нельзя путать идеи мышления с образами тела, предупреждает автор «Этики» (II, теор. 48). Образы и слова, их обозначающие, возникают «из одних только телесных движений, никоим образом не заключающих в себе понятия мышления» (теор. 49). А у ильенковского «Спинозы» все разговоры про то, как из «телесных движений» рождаются модусы мышления — идеи и притом «адекватные»...

⁶ «Das Ensemble der gesellschaftlichen Verhältnisse», выражение из «Тезисов о Фейербахе» К.Маркса

⁷ Мы оставляем в стороне вопрос о правильности такого понятия психики, исключающего из сферы психической жизни *аффекты*. У того же Спинозы наука о душе начинается именно с понятия аффекта. «Аффект есть альфа и омега, начальное и конечное звено, пролог и эпилог всего психического развития», — согласился Выготский [Выготский 1984, 297].

⁸ «Поскольку человеческая душа воображает внешнее тело, она не имеет адекватного познания его» (Этика II, тер. 26, королларий). «Идея какого бы то ни было состояния человеческого тела не включает в себе адекватного познания внешнего тела» (Этика II, теор. 25), равно как и «адекватного познания самого человеческого тела» (теор. 27). У существ, лишенных разума и руководствующихся лишь воображением, нет и не может быть никаких адекватных идей — ни о внешнем мире, ни о своем собственном теле.

⁹ В частности, операции классификации и «сериации» (выстраивание объектов в упорядоченные ряды). См.: [Пиаже, Инельдер 2002].

¹⁰ «Хомский верит в наследственную обусловленность своих лингвистических структур, в то время как возможно будет показать, что всем необходимым и достаточным условиям для построения таких базисных единиц, на которых основываются лингвистические структуры, удовлетворяет развитие сенсомоторных схем (над чем работает Синклер)» [Пиаже 2001, 152].

¹¹ Если под «языком» понимать *идеальную* форму человеческого общения при помощи жестов, слов или иных знаков, а не аффективную речь, свойственную всем высшим животным.

Источники и переводы — Primary Sources and Russian Translations

Выготский 1984 — *Выготский Л.С.* Младенческий возраст // Собрание сочинений. В 6 т. М.: Педагогика, 1984. Т. 4. С. 269–317 (Vygotsky L.S. *Childhood*. In Russian).

Ильенков 1974^a — *Ильенков Э.В.* Диалектическая логика. М.: Политиздат, 1974 (Ilyenkov E.V. *Dialectical logic*. In Russian).

Ильенков 1974^b — *Ильенков Э.В.* Мышление и язык у Гегеля // Доклады X Международного гегелевского конгресса (Москва, 26–31 августа 1974). М., 1974. Вып. IV. С. 69–81 (Ilyenkov E.V. *Thought and Language in Hegel*. In Russian).

Ильенков 1975 — *Ильенков Э.В.* Александр Иванович Мещеряков и его педагогика // Молодой коммунист. 1975. № 2. С. 80–84 (Ilyenkov E.V. *Alexander Meshcheriakov and His Pedagogy*. In Russian).

Ильенков 1977 — *Ильенков Э.В.* Соображения по вопросу об отношении мышления и языка (речи) // Вопросы философии. 1977. № 6. С. 92–96 (Ilyenkov E.V. *Considerations on the Problem of Relationship Between Thought and Language (Speech)*. In Russian).

Ильенков 1979^a — *Ильенков Э.В.* Проблема противоречия в логике // Диалектическое противоречие. М.: Политиздат, 1979. С. 122–143 (Ilyenkov E.V. *The Problem of Contradiction in Logic*. In Russian).

Ильенков 1979^b — *Ильенков Э.В.* Что же такое личность? // С чего начинается личность. М.: Политиздат, 1979. С. 183–237 (Ilyenkov E.V. *And What is Personality?* In Russian).

Ильенков 1987 — *Ильенков Э.В.* Диалектика и герменевтика // Современные зарубежные концепции диалектики: Критические очерки. М.: Наука, 1987. С. 133–163 (Ilyenkov E.V. *Dialectics and Hermeneutics*. In Russian).

Ильенков 1991 — *Ильенков Э.В.* Проблема противоречия в логике // Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. С. 308–320 (Ilyenkov E.V. *The Problem of Contradiction in Logic*. In Russian).

Ильенков 2009 — *Ильенков Э.В.* Диалектика идеального // Логос. 2009. № 1. С. 6–62 (Ilyenkov E.V. *Dialectics of the Ideal*. In Russian).

Ильенков 2017 — *Ильенков Э.В.* От абстрактного к конкретному. Крутой маршрут. 1950–1960. Авт.-сост. Е. Иллеш. М.: Канон+, 2017 (Ilyenkov E.V. *From the Abstract to the Concrete: A Steep Route. 1950–1960*. In Russian).

Пиаже 1969 — *Пиаже Ж.* Логика и психология // Избранные психологические труды. М.: Просвещение, 1969. С. 567–612 (Piaget J. *Logic and Psychology*. Russian translation).

Пиаже 2001 — *Пиаже Ж.* Теория Пиаже // Жан Пиаже: теория, эксперименты, дискуссии. Под ред. Л.Ф. Обуховой, Г.В. Бурменской. М.: Гардарики, 2001. С. 106–157 (Piaget J. *Théorie de Piaget*. Russian translation).

Пиаже, Инельдер 2002 — *Пиаже Ж., Инельдер Б.* Генезис элементарных логических структур. Классификация и сериация. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002 (Piaget J., Inhelder B. *La genèse des structures logiques élémentaires, classification et sériations*. Russian translation).

Bakhurst, David (1991) *Consciousness and Revolution in Soviet Philosophy: From the Bolsheviks to Evald Ilyenkov*, Cambridge University Press, Cambridge etc.

Ссылки – References in Russian

Майданский 2018 – Майданский А.Д. «Культурная психология» Л.С. Выготского в оптике Спинозы и Маркса // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14. № 1. С. 126–130.

Voprosy Filosofii. 2019. Vol. 2. P. 128–136

Thought and Language in Ilyenkov's Logic*

Andrey D. Maidansky

E.V. Ilyenkov's understanding of the relationship of thought and language is based on the postulate of priority of labour, objectively-practical activity in the development of human personality. Thought and Word arise as forms of Action, within the process of "practical communication," or of the jointly-divided activity with objects of material culture. A.I. Meshcheriakov put the same principle at the foundation of Zagorsk experiment on the education of deaf-blind children. The Marxist "logic of Action" opposes against the "logic of Word" in its various versions – evangelical, Hegelian, neo-positivistic et al. In his article, I. Hanzel attempts to criticize the labour theory of genesis of thought and language from the standpoint of "logical semantics" of R. Carnap. For his part, Ilyenkov criticized "positivism" (and the whole philosophy of empiricism) for confusing the logical form of thinking with the psychological form of the "inner speech." As a result, the science of logic turns into a system of rules for operating with words, signs, symbols; so it loses its native subject which is the laws and categories of thought. Zagorsk experiment clearly, as if in slow motion film, shows the "practical" genesis of human personality. Ilyenkov regarded it as a practical demonstration that the "logic of Action" is right against the "logic of Word".

KEY WORDS: E.V. Ilyenkov, the subject of logic, thought, language, word, labour, idea, Zagorsk experiment, practical communication.

MAIDANSKY Andrey D. – Belgorod State National Research University, Department of Philosophy; Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

DSc in Philosophy, Professor, Scientific Associate of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

amaid@rambler.ru

Received at September 4, 2018.

Citation: Maidansky, Andrey D. (2019) "Thought and Language in Ilyenkov's Logic", *Voprosy Filosofii*, Vol. 2 (2019), pp. 128–136.

DOI: 10.31857/S004287440003880-3

References

Maidansky, Andrey D. (2018) "L.S. Vygotsky's 'Cultural Psychology' Through the Lens of Spinoza and Marx", *Cultural-Historical Psychology*, Vol. 14 (1), pp. 126–130 (in Russian).

* The paper is granted by RFBR, project No 17-03-00160a.